

ФИЛОСОФИЯ ОБ ОПЫТЕ ЛЮБВИ

— ЕСТЕСТВЕННОМ ПУТИ К ИЗМЕНЕНИЮ СОЗНАНИЯ

Аннотация

В статье доказывается, что интерес к достижению ИСС с помощью стимулирующих веществ, начиная с Грофа, свидетельствует о неспособности достичь их естественным путем – путём любви. Насильственное изменение сознания, помимо воли человека, ведёт к неспособности справиться с их эффектом, особенно в нестабильных условиях, на фоне релятивизации ценностей. Это становится проблемой, поскольку потребность в выходе за рамки форматов зауженно-прагматичного социального сознания только растёт, а путь религии зачастую не привлекает как один из форматов. Поэтому философски актуально обращение к теме любви как “экологически чистому” пути к ИСС.

Разум играет важную роль в любви, создавая инерцию и память чувству. Понимание любви как изменяющей сознание есть уже у Платона (любовь как мания, родственная поэзии и посвящению) и Плотина (духовный опыт). Древнемифологическая подоплёка мифа об андрогине выводит к идее творения нового мира. Теме любви как трансцендированию много внимания уделяли русские философы: так, по Н.А. Бердяеву, в подлинной любви приходит Царство Божье, то есть иной порядок бытия, отличный от объективированного мира. У Джеймса обращал внимание на то, что состояния любви похожи на разрешение религиозных кризисов. В наше время Ю. Эвола подробно рассматривает эротический опыт как опыт «смещения» индивидуального бодрствующего сознания, обращаясь к средневековой мистике и ставя себе цель понять, как этот опыт ведет к «выходу в иные измерения».

Ключевые слова: любовь, эротический опыт, трансцендентный переход, креативность, творение нового мира, мифологический архетип, андрогин, таинство брака, измененные состояния сознания, ИСС.

Интерес к измененным состояниям сознания возник как экспериментальный, ради изучения того, что есть сознание, – а также ради того, чтобы раздвинуть его границы. На нынешнем фоне достаточно беспросветной общественной перспективы и идейно-мировоззренческой парадигмы, необходимость вырвать сознание из тисков социальных форматов, заужено-прагматичных и далеко не всем подходящих, стало уже потребностью

– и интерес к ИСС всё более усиливается. Однако удручает то, какие он порой принимает формы. Ведь, кроме традиционной религиозности, которая зачастую не притягивает – тем, что ведёт к заранее известному результату (хотя это не совсем так), и западных психотехник, которые не возвышают мышление над социальным стандартом, нередко практически единственным путём видится достижение измененных состояний сознания при помощи стимулирующих веществ, чему способствует популярность книг С. Грофа и

К. Кастанеды, в которых описан более доступный современному пониманию и более индивидуализированный опыт ИСС, чем тот, что предлагается религиями. Поэтому актуально задаться вопросом: а есть ли какой-либо ещё путь к изменению сознания? Традиционные религии и даже Кастанеда здесь будут единокорны: сознание любого человека самым радикальным образом изменяет любовь. Она способна вызвать к жизни скрытые силы, дремлющие в человеке, преобразить всё его видение мира и изменить химический состав его крови безо всяких дополнительных веществ. Она заслуживает философского внимания как наиболее «экологически чистый» путь к изменению сознания.

Теме любви много внимания уделяли русские философы. Любовь – путь к Всеединству, преображающему человека и его сознание, а через это и сам мир. Видение Всеединства можно считать главным духовным опытом, к которому устремляет русская философия (начиная с «великого всё» П.Я. Чаадаева и кончая В.С. Соловьёвым и его последователями, а также космизмом¹). «Всё сущее должно быть соединено, всякое мгновение пронизано Любовью, разрушающей в созидании, созидющей в разрушении»². Л.П. Карсавин подчеркивает, что абстрактной, одинокой любви к Богу здесь недостаточно. Именно земная, эротическая любовь, силой чувства возвышающаяся до метафизического акта соединения человека со своим «иным», восстанавливает цельность всеединого Человека: андрогина или Адама Кадмона средневековой эзотерической традиции, который «в каждом из нас целиком и целостен во всех нас сразу»: «Любовь должна воссоединить и явить подлинную личность любящего, подлинную личность любимой, искаженные жизнью в разорванности мира, а в них – и весь объединённый ею мир»³. Лишь такое, укорененное в интимной

конкретности чувств и тела, воссоздание Всеединства человечества через двуединство любящих способно вобрать в себя многоединство мира во всех его аспектах, проникнув глубины материи и преобразовав жизнь до её основ.

Н.А. Бердяев, как и Карсавин, видит высший мистический смысл любви в слиянии мужской и женской природы в андрогине, как образе и подобии Божьем. Это означает преображение природы: «В андрогинизме есть взаимопроникновение всех клеток мужской и женской природы, т.е. слиянность конечная, предельная. Каждая клетка человеческого существа андрогинична, несет в себе отблеск природы божественной»⁴. Но, прежде всего это преображение сознания. Окончательная тайна такого бытия не будет вполне разгадана в пределах этого мира, считает Бердяев – но опыт эротической любви приобщает к этой тайне. Смысл такой любви в том, что она позволяет увидеть во всём творении скрытую в нём изначальную божественность – и тогда творение уподобляется Творцу.

При этом философ широко понимает пол – как стихию, разлитую во всем существе человека. Нынешняя распатанность «норм» любви, всевозможные уклоны от «естественного» пола, по Бердяеву, говорят лишь о том, что человек рвется к новому пониманию пола, вне только его роли в продолжении рода⁵. Стихия рода безлична, любовь же является источником творческого восхождения личности. Можно процитировать и западных авторов: «высшее значение половой любви не может быть сведено к продолжению рода – оно в том, чтобы помочь мужчине и женщине восстановить полный человеческий образ, так сказать, изначальную божественный... Двое не только воспроизводят себя в третьем, в ребёнке, оставаясь сами по себе ещё не возрождёнными, но оба вместе внутренне рождаются заново как сыны Божии»⁶. Такой взгляд меняет и отношение к браку: по Бердяеву, таинство брака не есть семья как несение тяготы и бремени «мира», а творческое дерзновение. Предельный смысл страсти – жажда истинного бытия, и любовь есть

¹ Подробнее см.: Щепановская Е.М. Всеединство как главный внутренний опыт русской философии // Русский космизм в пространстве современной культуры. Дни философии в Санкт-Петербурге 2015. СПб., 2015 – сб. в печати; URL: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/Vseedinstvo1.htm>

² Карсавин Л.П. *Noctes Petropolitanae* // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994 С. 197

³ там же, С. 130

⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., 2007 С.122

⁵ там же, С.110

⁶ F.von Baader. *Gesamm. Werke*. v.III p.306-308

трансцендирование. Она означает прорыв за объективированный мир и проникновение во внутреннее существование. Поэтому в подлинной любви приходит Царство Божье, то есть иной порядок бытия, отличный от «выброшенного наружу», объективированного мира. Смысл любви – в творческом прорыве в мир иной. (Какого иного изменения сознания мы бы желали?) Опять же такой подход – не только закономерное развитие православной философии, он универсален. Например, его можно усмотреть у мистика Сен-Мартена: «Если бы род человеческий знал, в чем смысл брака, он воспылал бы его жаждой, ибо благодаря браку человек становится подобным Богу и может покончить с вмененной человечеству гибелью»⁷.

Доктрина об андрогине, к которой обращаются Бердяев и Карсавин, в философии впервые изложена в «Пире» Платона. Но её подоплёка, которую мы находим в мировой мифологии, ещё более древняя – это архетип божественной пары близнецов, вместе способных на то, чего не может один, нарушающих традиционные запреты, покидающих реальность прежних богов и основывающих свой новый мир на пустой земле. В образе андрогина у Платона подчеркнута его мифическая сила, внушающая страх богам, отчего они и разделяют первых людей на половинки⁸. Это говорит о мистическом могуществе эротического союза двоих, и средневековая алхимия акцентирует этот аспект магии любви. Но лишь такая концепция, как у Бердяева: суть любви – в творении (творческой реализации личности в любви, которая оборачивается совместным творением людей – радикальным творением нового мира), добивается до главной идеи этого архетипа, выраженной уже в древнейшей мифологии⁹.

Образ близнецов может иллюстрировать

⁷ цит. по Эвола Ю. Метафизика пола. «Беловодье», 2013 С.256

⁸ Платон. Пир // Платон. Собр. соч. в 4 Т. М., 1993 Т.2 С.99

⁹ Подробнее об архетипах мировой мифологии см.: Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2011; в более популярном виде: Семира и В.Веташ. Астрология и мифология. СПб., 1998

идею, которую высказал в философии уже Плотин: каждый из любящих видит своё собственное отражение в другом, и так рождается их совместное духовное бытие. Движение сознания одного человека может угаснуть – но когда два зеркала поставлены друг напротив друга, отражение в каждом становится бесконечным. Глубина внутреннего мира каждого становится видимой. И таким образом происходит объективизация их духовного мира: их идеи предстают реальными – зримо воплощенными в реальности их союза.

В связи с мифологемой близнецов можно обратить внимание и на то, что любовь выше уже существующей реальности и традиционных запретов. Любовь содержит свою ценность в себе, утверждая свою онтологическую абсолютность, она сама по себе является истиной, а потому творение в любви – чего бы то ни было – *этически* разрешено. Платон говорит: и боги, и люди представляют влюбленному *любые права*. Присутствие в любви чего-то абсолютного ставит её по ту сторону добра и зла – что не мог не заметить Ницше: «Всё, что делается из любви, совершается всегда по ту сторону добра и зла»¹⁰. Оно разрешает и узаконивает изменение сознания, которому дано трансформировать любящих и их сознательное отношение к реальности. Чувство преобразует их мир, побуждая жить в этой реальности и закрепляя трансформацию – которая может быть достаточно радикальной.

Несоблюдение запретов божественными близнецами архетипически соотносится с экспериментаторством интеллекта человека (ещё ярче проявленного в мифологическом образе трикстера как нарочистого нарушителя самых священных законов). А также с игрой ума (в её онтологической форме, как у Хейзинги: игра, а не труд создает человека). Здесь можно вновь процитировать Ницше: «В настоящем мужчине сокрыто дитя, которое хочет играть. Ну-ка женщины, найдите дитя в мужчине! Пусть женщина будет игрушкой, чистой и лучистой как алмаз, сияющей добродетелями ещё не существующего мира»¹¹.

¹⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Соч. в 2-х т. Т2. М., 1990 С.302

¹¹ Ницше Ф. Там говорил Заратуштра // Соч. в 2-х т. Т.2 1990 С. 47

Тема творения в любви у Ницше звучит как создание сверхчеловека: «Любовь – это факел, который должен светить вам на вышних путях. Когда-нибудь вы должны будете любить дальше себя! Горечь содержится даже в чаше лучшей любви: так возбуждает она тоску по сверхчеловеку, жажду в тебе, создающем!»¹². Если концепцию сверхчеловека рассматривать в том философско-эволюционном ракурсе, как имел её в виду Ницше, его идеи смыкаются с идеей «обожения» человека у русских философов и его телесном преобразении. Интеллектуальная трансформация здесь подразумевается сама собой. «Всякая великая любовь выше своего сострадания. Ибо то, что она любит, она ещё хочет – создать!» «Глубокое уважение друг перед другом, как перед хотящими одной и той же воли называю я браком»¹³.

По недавней статистике, прозвучавшей в СМИ, на первом месте среди факторов, закрепляющих брак, стоит общее мировоззрение супругов (секс занимает лишь третье место). Это подтверждает, что творение своего мира и является сутью любви – в дополнение к биологическому акту зачатия и рождения ребёнка, который не отличается от аналогичного акта у животных. У последних есть и инстинкт сохранения семьи, порой более развитый, чем у людей («лебединая верность»), – но любовь, изменяющая сознание, человечески-специфична. Любовный инстинкт человека – страсть, поддержанная разумом, даже если он проявляется в форме поэтического «безумия» или романтического «брёда». Именно разум создаёт инерцию и память чувству, которое становится всё более интенсивным по мере развития осознанности.

Понятие о любви возникает в человеческой культуре не сразу: образ богини любви в мифологии достаточно поздний – это последний женский образ, и сама история его складывания показывает развитие понятия любви: от могущества природы до красоты и изящества Утренней звезды и Зари, и от дикой и коварной амазонки, которая доказывает власть страсти и заводит также войной (стрелы Эрота – рудимент такого образа) до преданной супруги, сила любви которой воскрешает её

возлюбленного (см. например, трансформацию образа Изиды¹⁴). Оргии, посвященные богине любви, не только идеологизируют инстинкт, но и пропагандируют развитие чувств для их культурно-творческой роли.

Итак, чувство не доходит до любви (а является лишь симпатией, привязанностью и т.д.), если не затрагивает сознание. Ю. Эвола подробно рассматривает эротический опыт как опыт «смещения» индивидуального бодрствующего сознания: «Эрос – всегда захватывающий поток, открывающий иные миры. Это знали все и всегда – пусть смутно, но знали. Чтобы знать яснее, недоставало какого-то особого, тонкого чувства, превыше простой чувственности. Не доставало вектора перемещения среди перемещающихся уровней бытия»¹⁵. Он ставит себе цель понять, как любовно-сексуальный опыт ведет к прорыву обыденного сознания: к перемене личного на сверхличное, к «выходу в иные измерения».

Эвола обращает внимание на то, что мечтания и грезы – обычное состояние влюбленных: неслучайно говорят «грезить тобой», «ты мне снишься» и т.п. Их объективное содержание – предчувствие изменения сознания. В подлинной любви мысли одного становятся мыслями другого, по определению Шамфора: «Любовь – это контакт двух эпидерм и обмен фантазиями»¹⁶. Любовь даёт сильную концентрацию на своём объекте, и влюбленные всегда желают, чтобы эта концентрация не только длилась, но и усиливалась.

Эвола видит в этом основу магии пола, которую описывают религиозные и герметическая традиции. Серьёзность и концентрация внимания – «глубочайшие черты любовного действия, способного превратить его из просто физиологического акта в подлинную мистику. Невозможность внятно рассказать о пережитом... говорит о том, что происходит, хотя бы частичная, но трансценденция, внезапный выход за пределы конечного, эмпирического «я». Обыденное сознание порой превращается как бы в сияющее сновидение, имеющее продолжение за гранью условной

¹² там же, С. 51

¹³ там же, С. 50

¹⁴ Семира и В. Веташ. Астрология и мифология. СПб.: «Спикс», 1998 С.793-794

¹⁵ Эвола Ю. Метафизика пола. «Беловодье», 2013 С.30

¹⁶ там же, С.66

реальности»¹⁷. Так в Упанишадах упоминается состояние озарения и исчезновение мировой иллюзии в моменты экстаза любви и объятий: дух, погружаясь в атман, более не различает внешних и внутренних вещей.

Эротическая любовь в принципе не сводится к телесным ощущениям – как говорят французы, «в истинной любви душа всегда охватывает тело»¹⁸, что и становится началом более глубоких духовных измерений. Приведём несколько цитат из книги Эвола, которых множество в художественной литературе – обычно они воспринимаются как поэтическая метафора, но за ними стоит явь духовного процесса: при осознанности пламя страсти воспринимается духовным огнём, а тело ощущается как пронизанное, наполненное духом, порой до нематериальности: «как будто душа проникла во все мои нервы» (И.Гёте «Вертер»). «Когда затерянная в бесконечности супружества душа, отделившись от тела, летит над землей, её наслаждения кажутся средством преодоления тяжести материи и способом отпустить дух на свободу» (О. де Бальзак). «Она верила, что превращается в иное существо, прозрачное, воздушное, частицу чистой нематериальной стихии» (Д'Аннуцио «Наслаждение»). «Он был словно перенесён куда-то, где отсутствуют протяженности и длительности. Никаким языком не мог он выразить происходившее с ним, но почему-то при этом он видел всю свою жизнь и понимал её... А потом они снова спустились вниз» (Лиам о'Флаэрти)¹⁹.

Чем объяснить такие ощущения? Прежде всего, тем, что слияние с любимым – как на психофизическом, так и на уровне чувств и ума – не только метафора, но реальный выход за рамки себя, преодоление ограниченности собственного тела, распахивание иного интеллектуального горизонта. Это понимание другого в его инаковости (так, М. Шелер определяет любовь как участие в жизни другого, не нарушающее его истинной экзистенции). А другой человек настолько иной, что глубоко понять и полюбить его – значит, выйти

на уровень всеобщего, за случайным увидеть безусловное: только через это можно принять его таким, как он есть. Это и подводит к восприятию Всеединства жизни. А также к другой черте истинной любви – восхождение любящих на некий «героический» план, поскольку он отрывается от обыденного сознания. Отождествление с другим предполагает открытость, распахнутость (можно обратиться к хайдеггеровскому определению *понимания* и общения *Я* и *Ты* как размыкающего бытие²⁰ и к философии диалога), экзистенциальный прорыв скорлупы своего бытия (возможный, конечно, лишь настолько, насколько человек способен интегрировать свою целостность и целостность союза).

Затрагивая изнутри, любовь прокладывает канал связи между людьми, глубины которого добиваются до всеобщих аспектов коллективного бытия. Поэтому любовь заставляет задуматься об общечеловеческих проблемах (как многократно показано в русской литературе), и как чувство, направляемое разумом, даёт увидеть пути их решения, смыкая эротическую любовь с духовной. Если Фрейд говорил о сублимации инстинктов человека в культуре, то согласно Юнгу, они уже преобразованы настолько, что радикально отличаются от инстинктов животных. И секс скорее решает экзистенциальные проблемы человека (преодолевая «пустоту» жизни, «бездомность» etc.), чем побуждает к продолжению рода.

Если же фокусироваться на единении энергий двоих, делающем возможным интенсивность чувств и трансцендентный переход сознания, мистик Э. Леви объясняет любовь слиянием магнетических полей, которое провоцирует опьянение «астральным светом». «Астральный свет» – синоним *lux naturae* Парацельса: скрытого в природе света жизни. Аог Каббалы или эфир орфических гимнов имеют тот же смысл обозначения метафизической подоплеку жизни: «Эфир есть душа мира, исток любой жизненной силы»²¹. В любви открывает себя изначальный принцип жизни.

Невидимое метафизическое бытие проступает здесь само сквозь формы физического.

¹⁷ там же, С.150

¹⁸ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Соч. в 2-х т. Т2. М., 1990 С.302

¹⁹ Эвола Ю. Метафизика пола. С.153, 154, 156

²⁰ Хайдеггер М. Время и бытие, М., 1993, с.178

²¹ Эвола Ю. Метафизика пола. С.65

И этим оно рушит и трансформирует устоявшиеся формы видимого. Любовь показывает бренность и хрупкость физического – и одновременно ту основу: единой связи жизни, или мировой души – благодаря которой физический план может существовать и быть видимым для нас. Истинная любовь – «навсегда», она неотделима от вечности: от полноты реализации жизни «здесь и теперь», рождающей ощущение вечного возрождения (как в мифах богиня любви воскрешает своего возлюбленного). Поэтому любовь выше смерти – в современном восприятии, как и в древних мифах. В этом смысле можно трактовать и платоновскую концепцию Эроса в «Пире» как сына Пороса-богатства (метафизически, полноты бытия) и Пеннии-бедности (метафизически, материи): жизни, смешавшейся с недо-жизнью: любовь-Эрот носит в груди утрату, истощение, недобытие (meon), свойственное Пеннии, потому он не бессмертен, но многократно умирает и воскресает²². Если продолжить мысль Платона, ещё-не-жизнь именно так становится жизнью.

Именно из-за сдвига восприятия, состояние любви часто художественно оценивается как болезнь, как и восторг, вдохновение, дыхание «божественного энтузиазма». Платон называет любовь «манией», наряду с другими тремя видами божественного «неистовства»: пророческим, поэтическим и связанным с посвящениями. «А неистовство бывает двух видов: одно – следствие человеческих заблуждений, другое же – божественного отклонения от того, что обычно принято». «Поэтому не стоит его бояться... подобное неистовство боги даруют для величайшего счастья»²³. Все четыре вида «мании» выводят нас из обыденного состояния сознания и тесно переплетаются между собой, даруя видение, которое превышает ограниченность времени и самого субъекта. Продолжая мысль Платона, Фиччино писал, что это «те образы неистовства, на которые вдохновил нас Бог, возвышают человека над его человеческим, земным содержанием; и они же обращают человека в Бога»²⁴.

²² Платон. Пир // Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1993 Т.2 С.113

²³ Платон. Федр. Собр. соч. в 4 т. М., 1993 Т.2 С.175, С.154

²⁴ *Sopra lo amore* VII, 13, 14

Любовь пробуждает ощущение полноты бытия, которая может оборачиваться сверхполнотой, если импульс эротической энергии не находит выход в расширении сознания через направленность чувства, иначе пробуждение эроса ведёт к «сверхнормальному перенасыщению жизненного цикла, переживаемому как страдание и тяга к смерти»²⁵. С. Моем сравнивал такую любовь с тоской по Богу, о которой говорили святые. Здесь можно отметить не только общее родство любви духовным процессам, но и близость Эроса и Танатоса. Духовные процессы часто характеризуются как процессы сознательного умирания – хотя одновременно и регенерации. Также и любовь, как экзистенциальное переживание, есть влечение к смерти – и его преодоление, как чувство возрождения жизни. И символическое «убийство» Дамы в организации «Адептов любви», к которой принадлежал Данте и в которой любовь играет роль мистически-духовного пути, не только раскрывает алхимический символизм²⁶, она приближает к экзистенциальному переживанию данного архетипа.

У. Джеймс обратил внимание на сходство душевных состояний в любви и религиозных откровениях: «Ощущение новизны озаряет каждый предмет – в противовес неральности и отчужденности мира, в котором каждая вещь теряет одна другую»²⁷. Аналогично Стендаль писал, что страсть обнажает перед

²⁵ Эвола Ю. Метафизика пола. С.132

²⁶ Дама воплощала Премудрость Божью Софию или Гнозис, принцип озарения или трансцендентного знания. Проводник в мистерии Амор очищал пространство ума для иного, «возможного интеллекта». Имя его трактовалось как а-тог «бессмертие». Смерть Дамы – аллегория преодоления феноменов, символ чистого созерцания души, теряющей себя в Боге. Преодоление женского начала соответствует алхимическому *tubedo*, «работе в красном», это третья фаза алхимического процесса. Первая – *nigredo* «работа в чёрном», «диссолюция», т. е. растворение, где смерть от Дамы переживает мужское начало. Вторая фаза, *albedo*, «работа в белом» – собственно и есть опыт любви. – см.: Эвола Ю. Метафизика пола. С.282-290

²⁷ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993 С.64

глазами человека всю природу, как будто она только вчера сотворена. Религиозный опыт «открытия сердца», как православный, так и герметический, сопровождается тем же переживанием опыта свежести, новизны и преображения мира. И наоборот, ощущение уныния, тяжести жизни, обездушенности мира, безразличия ко всему связано с нехваткой любви.

Любовь архетипически соответствует весне, утру года, а не ночи и сну зимы, и она *не ведёт* к погружению в транс или полусон, то есть состоянию ночному. В мировой мифологии богиня любви архетипически соотносится с утренней звездой и зарей нового дня. Эту эмоциональную параллель отмечает и Эвола: «Конечно, связь между любовью и ночью хорошо знакома романтической поэзии, но если мы проведём мысленный опыт, заменив выражение «ночь любви» на «зарю любви», мы сразу же услышим в первом сочетании некий неверный звук»²⁸. И изменение сознания в любви не есть безмыслие: оно предполагает не худшую, а лучшую осознанность – не погружение во тьму, в «ночь» сознания (куда может повергать зависимость от химических веществ), но выход к «утренней», обновленной ясности и свежести представлений: тому, что и называется открытостью восприятия.

Эмоции эволюционно возникают как фиксация природных состояний: закат – печаль, утро нового дня – радость, и своих настроений, связанных с ними, которые потом проецируются на результаты собственной деятельности и закрепляются в памяти как нечто предметное, поскольку сознанию человека свойственно всё воспринимать как предмет. Так и любовь сначала не имеет образа и получает его от впечатления рассвета, а потом оформляется в понятие, которое ближе к нашему времени становится абстрактным и требует конкретизации через отношения людей. Хотя в мифологии любовь ещё выступает как всеобщее понятие, и религиям присуще именно такое понятие любви. На Востоке Вивекананда, а на Западе П. де Тейяр-де-Шарден утверждают, что основа всех видов любви – это любовь к Богу, к абсолютному (при этом Тейяр де Шарден определяет её так: «Любовь во всех своих нюансах – след, оставленный

в сердце элемента психической конвергенцией к себе универсума»²⁹). Хотя уже для Л. Фейербаха сама религия есть открытое исповедание тайн любви. Любовь обнаруживает её сокровенную суть, раскрывая совершенство человека: «Человек отличается от животного не одним только мышлением. <...> Человек отличается от животных тем, что он – живая превосходная степень сенсуализма, всечувственнейшее существо в мире... в нем чувственное ощущение из относительной, низшим жизненным целям подчиненной сущности становится сущностью абсолютной, самоцелью, самонаслаждением»³⁰.

Человек достигает внутренней полноты в контакте Я и Ты: и поскольку каждый человек бесконечно глубок, он может неограниченно открывать в себе и другом глубину и высоту. Если считать разум мужским свойством и эмоции – женским, взаимобмен любви делает женщину более разумной, а мужчину – более эмоциональным (по Юнгу, таковы характеристики Анимы для мужчины и Анимуса для женщины). Хотя Бергсон, напротив, утверждает, что у мужчины эмоции сильнее, что и дает ему творческий потенциал, более сильный, чем у женщины. Женщина же более рассудительна: она хранит память, которая служит основой разума. В любом случае это не означает, что мужчина теряет свою сознательность (как и женщина – свою эмоциональность) при таком взаимобмене. Скорее, внутреннее становится внешним, и в Каббале различие мужского и женского выражается так: «Сущность мужчины есть Любовь, облик его есть Премудрость. Сущность женщины есть Премудрость, облик ее есть Любовь»³¹. Поэтому более логично говорить о пробуждении собственных природных свойств: «Верность собственной природе, согласие с нею и есть единственно экзистенциально верное поведение»³².

²⁹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987 с.52

³⁰ Фейербах Л. Против дуализма тела и души, плоти и духа // Избранные философские произведения. М., 1955. Т. I. С. 231

³¹ цит. по Шмаков В. Священная книга Тота. Великие арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма. М., 1916

³² Эвола Ю. Метафизика пола. С.247

²⁸ Эвола Ю. Метафизика пола. С.129

Любовь женщины конкретна: её задача – союз двоих и вынашивание третьего, цементирующего и увековечивающего тот союз, хранительницей которого она является. Любовь мужчины нацелена на всеобщее: его биологическая роль – обеспечить достойную жизнь ребёнка во всей широте существующего мира, а метафизически – существование идей союза во всеобщем сознании, и активная роль в изменении сознания принадлежит ему. Поэтому любовь к Богу, как всеобщему сознанию – по сути мужская, женская же – любовь к конкретному человеку (как поётся в песне, «она глядит на него, а он глядит в пространство»). И в этом, несколько условном противопоставлении (поскольку в каждом есть и мужская, и женская природа), при всем общечеловеческом стремлении к всеобщему единству нельзя забывать о личной направленности любви, которая даёт ответственность и осознанность, – как говорит Бердяев, «любовь к любви вместо любви к лицу – в этом психология разврата»³³. Неслучайно гностический образ Софии, становящейся всеобщей связью и душой мира, ещё имеет черты распутницы, как у древних богинь любви. Но, как и у этих богинь, эти черты преодолеваются в любви к супругу. Здесь красив образ индийской Савитри из поэмы Шри Ауробиндо³⁴. Роль её та же – проявить связь разрозненных вещей мира. Когда в споре с богом смерти она воскрешает супруга, Творец даёт ей эту роль: любовь откликается ей из сердцевины всех вещей и через неё соединяет их между собой и с Богом. Но это – любовь конкретная, личная, осознанная, сконцентрированная на своей цели и потому лишённая развращённости, рассеянности по миру Софии – мировой души гностиков, которую ещё только надо собрать из разрозненного мира вещей³⁵.

Религии, ритуализируя брак, ясно указывали на его творческую функцию, помогая понять роли мужчины и женщины как в бытовом, так и духовном взаимодействии. Все культурные народы сходились в мифологическом понимании творения через образ соединения супругов. В брачном ритуале

³³ Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: «Аст», 2007

³⁴ Шри Ауробиндо. Савитри. Легенда и символ. Книги VIII-XII. СПб.: Мирра, 2013

³⁵ Йонас Г. Гностицизм. СПб.: Лань, 1998 С.17

это почти одними и теми же словами зафиксировано у шумеров и индусов: «Я Небо, ты Земля. Я песня, а ты строфа... О Небо и Земля, соединитесь!» Аналогия духовного с физическим, дошедшая из древней мифологии до герметизма, позволяет понять притягательность женского как того, которое осуществляет в себе целостность творения. Вбирая в себя мужское, женщина рождает ребёнка – а метафизически, так же творит «мир», в котором оказывается заключено мужское: новое бытие, которому служит мужчина и которое он организует – как Христос в гностической традиции, приходящий на помощь Софии, чтобы оформить порожденное ею³⁶. А затем покидающий её, оставляя ей боль разлуки, – и это напоминает мифы о трогательном отделении Неба от Земли, необходимого для того, чтобы мир существовал (например, полинезийский миф, где Небо проливает слёзы об оставленной внизу Земле, которые ложатся каплями росы на её грудь³⁷). Или разлуку Творца и Шехины в иудаизме.

О духовной функции брака свидетельствуют слова Каббалы: «Святой – да будет он благословен – живёт только там, где всё (как и Он) едино... И если мужчина и женщина соединяются, то соединяются в теле и душе, и человек становится единым, и Он обретает жилище в этом едином, и единое духовно»³⁸. Материалистически это можно понять так, что разделение на два пола делает человека нуждающимся в своем биологическом дополнении, и именно в этой неполноте – причина экзистенциальной тоски и стремления к Богу.

Цель индуизма – освобождение, и поскольку жена выступает как богиня дома (хранительница огня очага), говорится: знающий жену как форму огня достигает освобождения.

А христианство ставит акцент на преобразении мира, поэтому царские венцы над супругами при венчании указывают на их миссию активного проведения в жизнь общей воли их союза. Правда, традиционное христианство теряет это активное начало преобразования мира – которое более живо в гностической

³⁷ Семира и В. Веташ. Астрология и мифология. СПб.: «Спикс», 1998 С.241

³⁸ Зогар III, 81a

традиции, дополняющей официально-церковную точку зрения первых соборов, и у нас стремились восстановить его православные философы (софиология В.С. Соловьева и его последователей). А на западе – герметизм как эзотерика христианства, получившая всплеск в Ренессансе, как увлечение Каббалой и алхимией: «Если мы будем искать в Еве Софию, помогая ей осуществить свой женский архетип, стать «женой Бога», то мы войдём в пространство, где христианство испытывает сильные гностические влияния»³⁹.

Жизненно-активное, радостно-эротическое начало возрождалось и в народных формах христианства, на что обращал внимание ещё один русский защитник творческой любви – В.В. Розанов, страстно любившего духовность христианства и именно поэтому упрекавшего его в потере жизненности, из-за пассивного ожидания иного бытия за гробом: «Брак есть не только таинство, но величайшее из таинств: ... вступая в брачную, то есть глубочайшую связь с человеком и человечеством, каждый из нас подходит к краю индивидуального бытия своего, он стоит на берегу неисследимых оснований личного своего существования»⁴⁰.

Практический вывод, который можно сделать из этих философских изысканий, в том, что современный интерес к достижению измененных состояний сознания при помощи техник «грофианского» типа свидетельствует о неспособности достичь их естественным путем – путём любви. Если ещё до перестройки и усвоения западных веяний молодым людям обычно хватало идеализма влюбленности и отклика взаимной любви для достижения необычных состояний сознания, устремляющихся к абсолютному, сегодня им нужен допинг. Причина – в прагматизме жизни, зауженности социального мировоззрения, не допускающего высокой мечты, и просто иной качественности времени – что однако не извиняет толерантности к наркотикам. Надо понимать, что стимулирующие вещества – это *насильственное* изменение сознания, помимо воли человека⁴¹, именно потому человек часто не

может справиться с их эффектом. Если на фоне безбедного, социально обеспеченного, существования западных стран это выглядит забавой, то в тяжелых условиях российского выживания и потери смысла жизни на фоне релятивизации ценностей неестественный прорыв психической защиты личности от нежелательных состояний делает её незащитной перед требованиями жизни, потому нередко заканчивается трагически. И так ли уж российские люди неспособны любить, что готовы допускать насилие над личностью, даже в стремлении расширить свои горизонты?

Ключников С.В. приводит любопытный факт, свидетельствующий о том, что в России сексуальное чувство еще не превратилось в предмет купли-продажи, в отличие от Америки, где по социальному опросу несколько процентов населения за гипотетическую сумму в миллион долларов согласилось до конца жизни не иметь половых отношений. У нас на это не согласился ни один из опрашиваемых людей, из чего можно сделать вывод, что естественный путь любви открыт для всех⁴². Только сведение роли эротического опыта к чисто физическим ощущениям в массовом сознании может быть причиной того, что высоты этой сферы и её уникальный личный опыт исчезает из поля зрения, заменяясь на суррогат.

Эвола же так оценивает современное состояние понимания роли любви: «В области половой любви вся наша цивилизация глубоко упадочна. Её сексуальности соответствуют примитивная чувственность, неврозы, банальный разврат. Таков и уровень современной сексологической и эротической литературы. Он никак не расширяет истинных горизонтов, скорее наоборот... Только то, что сохранилось от мира традиционных культур, включая современный уклад жизни Востока,

---

настигающей внезапно и помимо воли человека, на самом деле, как любой психический процесс, подсознательно подготовлена, и как процесс духовный, на глубине управляема (настолько, насколько движения души осознаются и фиксируются разумом). Первое ощущение “внезапности” любви, как нашей неготовности к ней, уже есть внутренний призыв к изменению и выходу за рамки себя, подготовка к открытости иному.

⁴² Ключников С.В. Предисловие к кн.: Эвола Ю. Метафизика пола. С.22

³⁹ Эвола Ю. Метафизика пола. С.307

⁴⁰ Розанов В.В. Религия и культура. М.: «Правда», 1990 С.62

⁴¹ Влюбленность же, хоть и кажется неуправляемой,

свидетельствует о существовании совершенно другого образа человека, не ограниченно материальными запросами, психологией и физиологией, бесконечно более сложного, знающего свои подлинные возможности и действующего, в том числе и в области секса, в соответствии с их высшим порогом». «Мы должны понять – почти все вокруг, почитаемое нормальным и естественным, таковым не является... Во всём, и в первую очередь в области пола, раскрытие подлинных глубин и первоначальных смыслов и связанная с этим полная реинтеграция человека как такового связаны с преодолением абсолютно всех психических и духовных миражей материальной цивилизации»⁴³.

Путь любви – наиболее естественный путь, который возможен в мире с релятивностью ценностей и свободой атеизма. Но этот путь требует самоотдачи в реальных жизненных условиях, взрослой и сознательной юности души, осознанного согласия на её трансформацию и регенерацию. Мистический опыт любви требует принятия полной ответственности за другого (которой требует и церковный брак). Без этого он не может осуществиться: глубина отношений требует страховки такого рода, чтобы страсть давала эффект регенерации, а не разрушения («роковая страсть» в романах XIX века, обратившихся к осмыслению этой темы). Эгоистичность, ставшая во многом нормой общественной жизни, делает людей эмоционально инфантильными, а значит, не допускает интенсивности той любви, что ведёт в духовные высоты отношений. Погружение в глубину чувств остаётся опасным, и вместо развития личности, которое даёт любовь в естественном варианте, может обозначить её деградацию, связанную с разочарованием, унынием, неверием и т.д. Такие реакции являются проявлениями негативного мышления, которое служит защитной реакцией эго, чтобы не допустить трансформирующих его чувств.

Опыт любви, меняющей сознание, – прежде всего концентрация на любимом, понимание его мыслей, принятие его эмоций, чувствование его телесных реакций как своих. В этом нет ничего невозможного (недавние опыты исследования сознания показы-

вают, что человек может воспринять как своё тело даже манекен, что же говорить об отождествлении с любимым!). Такое отношение естественно легко становится мостом к расширению сознания до духовного восприятия единства мира: «Когда духовное существо человека действительно направлено к высокой цели, сила пола преобразуется сама собой, без насильственного вмешательства и подавления»⁴⁴.

Любовь двоих возносит к русскому Всеединству или индийской недвойственности, хотя удержать его в нашей повседневности отдельным людям трудно, потому и привлекают техники. Однако если критическая масса людей («творческое меньшинство», по А.Тойнби) приблизится к такому состоянию, то оно может стать более доступным (в этом практическая суть христианской соборности). «Измененное состояние сознания» творящей и преображающей мир любви – опыт созидания своей реальности – тогда станет нормой.

СОЦИАЛЬНОЕ В ЛЮБВИ

Любовь понимается русскими философами как включение в целостность Всеединства. Такое понимание не обязательно предполагает соборную церковность или целостность космического масштаба. В быту эта нацеленность личности на более широкий уровень реализации и осмысления себя как части некоего большего целого, на глубинное единство человека с людьми осуществляется на вполне социально-конкретном уровне. Любовь – отношение, прокладывающее энергийный (внутренне-деятельностный канал), она обязательно содержит интенцию, как направленность на жизненно-притягательное иное, которое должно усвоиться как свое. И социально-значимое здесь часто первенствует перед уникально-индивидуальными чертами личности, хотя бы в том плане, что уникальное Другого осознается через его социальное.

Идеалистическая влюбленность в юности прежде всего предполагает отождествление (идентификацию) с желаемой группой людей, принадлежность к которой воплощает любимый человек. При этом сам он видится обладающим идеальными качествами данной

⁴³ Эвола Ю. Метафизика пола. С.383-384

⁴⁴ Эвола Ю. Метафизика пола. С.309

группы, к которой и направлена интенциональность сознания, задающая длительность влюбленности до тех пор, пока потребность в идентификации с данной группой сохраняется. При этом собственные качества данного человека могут быть не столь важны и не осознаваться, что может вести к разрыву отношений по мере развития личности. Когда ценности группы усвоены и интегрированы личностью так, что она может нести эту интеграцию дальше, может иметь место смена и приобретение новой групповой идентификации, и тогда социально-идеальное в любимом уходит на второй план, а его личные качества становятся заметными. У влюбленности как идеального отношения тогда есть шанс либо перерасти в реальное отношение, либо исчезнуть. Но есть ещё третий вариант: когда люди не могут ни расстаться (за счет привычки к идеальной влюбленности, т.е. к комфорту причастности к общечеловеческому единству), ни продолжать устойчивые отношения за счет реального различия характеров, что ведет к конфликтам. В таком случае и возникают проблемы.

Конечно же, во всех людях есть общечеловеческое, и любой человек всецело достоин любви. Однако собственные задачи индивида побуждают его выбрать партнера, который помог бы ему не просто встроиться в близкую социальную ситуацию, осознать желаемый образ жизни и её предпочтительную нишу, но также лично служил бы собственной уникальной глубинной реализации, которая индивидуальна, – не пренебрегая, конечно, и своими собственными целями (на чистой жертвенности отношения могут держаться долго, но все же не продержатся всю жизнь). Поэтому важно различать идеальную (общую, несущую комфорт единства с человеком как индивидом, как с таким же, как ты, человеком, представителем людей) и реальную влюбленность (глубинную потребность именно в данной уникальной личности). Чтобы перевести отношения в реальные, сохранить их, важно понять Другого как Другого. И это же нужно, чтобы расстаться: отстранить Другого, видя красоту его инаковости, не подходящую тем не менее для собственных нужд повседневного жизненного творчества. Такой разрыв будет достойным, сохраняющим отношение друзей (друг = другой).

Конечно, чтобы расстаться, важно совершить некоторое душевное движение. Чтобы «проводить» человека, надо его внутренне направить: в ту сторону, куда ему надо – куда он в общем-то и так идёт. Так что расставание в любви имеет сознательную интенцию по отношению к Другому, как и встреча, и предполагает настолько же целостное его принятие и активную включенность.

Второй важный момент: в отношениях люди всегда стремятся к глубине. Любовь – экзистенциальное отношение, то есть такое, которое выявляет предельные основания личности и ставит её на грань жизни и смерти. Любовь – духовное отношение, то есть такое, которое жизненно преобразует: убивает и воскрешает. И чтобы как таковое оно длилось, чтобы было приятно и уж слишком не выходило за внешне красивые и здоровые формы физической нормальности, психической стабильности и социальной дееспособности индивида, оказываются востребованы этические каноны ответственности друг за друга, сколь бы банальными они ни казались. Но человек может взять ответственность за другого лишь настолько, насколько отвечает за себя самого. Поэтому любовь невозможна без личностного становления и возможна, в отличие от идеальной влюбленности, носящей на деле социальный характер, как было описано выше, только у духовно зрелых и самостоятельных личностей. Инфантилизм ей мешают. Хотя отношение «будьте как дети» – как, впрочем, любое духовное отношение – в любви легко достигается.

Наиболее серьёзная проблема возникает в юности, если стремление к глубине, как познанию мира в целом, делает отношения более экзистенциально глубокими, чем люди к этому готовы. «Древо познания» может полностью заменить собой «Древо жизни», открытие умственных истин – свободное жизненное творчество личности, выяснение отношений – совместную деятельность, развернутую в мир. Выяснение отношений не решает реальных проблем. Надо понимать, что сфера любви – Древо Жизни, а не искушения Древа Познания (хотя нельзя сказать, что это традиционное христианское понимание доведено до ума в бытовом отношении конкретной любви). И потому заикливание друг на друге (на «любви», хотя проблема как раз в том, что

любовь здесь уже теряется, так как теряется её вне-сознательная основа) вместо объективно-внешнего воплощения энергии своих чувств в какую-либо реализационную сферу не только непродуктивно, но и опасно. Изоляция отключает от естественных источников энергии, нужных для регенерации, «убийству» не сопутствует «возрождение», что, к сожалению, может привести и к реальной смерти, если человек недостаточно защищен социальными институтами семьи родителей, религии или социально полноценной профессиональной деятельности (а в настоящее время он чаще незащищен, чем защищен).

Поэтому считается, что лучше смотреть не друг на друга, а в одну сторону, а глубина и мистическое видение лица любимого приложатся. И неслучайно ритуал вступления в брак требует той или иной внешней демонстрации чувств («горько!») делая их общественным достоянием. Он с самого начала задает импульс включения семьи в сферу общественной жизни и тем предохраняет любовь от изолированности, на которую естественно нацеливает интимность. Это отнюдь не говорит о том, что брак несамодостаточен, неполноценен в экзистенциальном смысле. Но изначально одно из проявлений того, как культура стремится помочь природе справиться со стихией чувства – а в чувстве здесь акцентируется момент природной, неуправляемой, опасной для человека стихии, которую надо взять под контроль, хотя человеческое чувство уже сублимировано и отлично от инстинкта (как писал К.Г.Юнг) и всегда содержит интенциональную компоненту разума.

Как интенциональный процесс, любовь направлена и, как духовный, направляема. Осознавая свои интенции, человек может остановить своё чувство (удалить Другого как Другого из зоны себя) или перенаправить его чувство на другой объект (точнее свободно подарить его другому, задать новую интенцию). В жизни это часто случается. Тем не менее, бытует мнение, что любовь «как громом поражает», и только тогда это любовь. Такое мнение неслучайно и необходимо, так как оставляет допуск непредсказуемости чувства, подчеркивая его приоритет перед разумом, который стремится замкнуть всё в знакомые границы: зазор свободы. Любовь же должна вести к новому, отвоевывать пространства у

«темной основы бытия» (по Шеллингу). Это есть наиболее полное выражение принципа свободы творчества (Н.А. Бердяев), которое в современном мире обычно понимается как необусловленность. (Хотя обусловленность: например, жизненная предзаданность семейных задач, на чем делают акцент психологи, или астрологическая обусловленность синнастрии: большего или меньшего резонанса гороскопов или «благоприятствования планет», ритмов для момента влюбленности не отменяет свободы личностной реализации.)

При всей внезапности момента чувственной влюбленности, которого требует приоритет чувства для разрушения предшествующих установок разума, ощущение неслучайности любви (в XIX веке «роковая», в XX – «из прошлой жизни») также не может не фиксироваться в сознании, и оно выражает прикосновение человека к собственной жизненной основе. В этом прикосновении полнота любви ощущается как вечность жизни: как желание, чтобы этот момент жизни всегда был и вечно длился («вечное повторение» Ф. Ницше, как естественная удовлетворенность гармонией настоящего момента, где воплощено все желаемое в контакте с Другим, который дает возможность такой проекции. И за ней действительно стоит некая жизненная реальность – то есть осуществляется то творчество иного мира, о котором говорил Бердяев).

Говоря об управляемости любви, ещё раз вернемся к тому, что разрыв связи любви как уникальной и тесно связанной с экзистенцией человека – завоевывающей новые территории «жизненного мира» человека (термин Гуссерля) и прокладывающий некий новый канал: нужный миру как все новое, – естественно труден. Иногда невозможен: он заявляет о себе, он притягивает, его потеря ощущается как потеря себя и смысла жизни (неслучайно сложны разводы для церковного брака, который в идеале предполагает именно такое отношение). В отличие от законов развития биосферы, где жизнь свободно экспериментирует с гибелью форм, закон становления «жизненного мира» человека таков, что всё возникшее не должно быть утрачено: сфера собственно человеческого не предполагает «смерти» своих явлений, отношений, смыслов и ценностей. Поэтому, если люди вышли к своим «предельным» и «запредельным»

глубинам, против любви нельзя идти, это тоже «убийство», которое тоже может кончиться реальной смертью. Единственно гармоничное расставание в таком случае – преобразование «горизонтальных» отношений двух людей в «вертикальную» связь с Богом и обществом: романтические уходы в монастырь в литературе XVIII-XIX века, а в современном атеистическом быту – возврат к идеальной, альтруистичной, социальной любви к людям – хотя бы такой, которая сопутствует формированию личности в ранней юности и о которой говорилось вначале.

«Вертикальный» канал в отношении двоих, сохраняющий их связь, – то отношение выхода ко Всеединству, к единому Человеку в его многообразии, о котором говорит Карсавин. При этом происходит структурирование внешнего мира как «внешнего тела» личности в соответствии с её внутренней интенцией, и взаимно: преобразование телесности личности в соответствии с интенцией мира. Карсавин здесь говорит о полноте смерти как самопожертвовании, через которое достигается вся полнота жизни (в христианском ключе Царства Божия). Такое определение показывает, что «вертикаль» включенности во всеобщее осознается как разрыв «горизонтальной» целостности земной любви, хотя распада личной связи в действительности не происходит: напротив, именно земное, предельно телесное отношение, по Карсавину, только и способно преобразовать до глубин материю мира, а всевременность личности (её жизнь во всех временах и память о своей личной истории) сделать пустую вечность наполненной. В «смертях» самоотдачи себя Иному нет опасных для жизни потерь: единство с инобытием – Другого, как и социальной сферы – есть исходный факт определения личности, уже для Карсавина. Также идею Другого с привлечением определений Иного как телесности ярко развивала французская феноменология (Левинас, Мерло-Понти). Иное социальной сферы людей по сути не разрушает, а укрепляет экзистенцию личности, а значит, дает силу её конкретной любви. Всеобщая любовь охраняет и поддерживает личную, как и наоборот: чувство (как жизненно активное и сверхактивное, призывное действие) личности имеет резонанс во всех сферах, куда она включена. И для личности то – воистину её,

собственное, что находит в ней эмоциональный резонанс.

Типическая оппозиция любви и любящего привычному социальному плану (можно вспомнить архетип богини любви, её сражение с громовержцем и их последующий брак, и соответствующие сюжеты художественной литературы: см. нашу книгу «Архетипы мировой мифологии»⁴⁵) отражает её и его потенциал к преобразению мира, активное творческое отношение, ломающее те консервативные формы, которые пришло время заменить живыми. У любви есть сила это сделать. В этом смысле социально любовь всегда воинственна, но в этой войне никто и ничто не погибает, а происходит вечное возрождение вечных форм, в том числе внутренних форм существования личности и на телесном, и на интеллектуальном, и на духовном плане. Чувство не противостоит разуму, духу или телу, как это принято традиционно считать, оно поддерживает и воспроизводит их. Поэтому чувство – основа тела и духа в большей степени, чем сознание. Если такого рода метафизика научит людей не бояться любви, а воспринимать чувственные процессы столь же сознательно и привычно как интеллектуальные, то это несомненно преобразует культурные формы деятельности людей в сторону большего уюта бытия в мире: делая родным социальное бытие, которое сегодня чаще всего воспринимается враждебным и чуждым (или нуждающимся в радикальной революции).

ЛЮБОВЬ-ПОЗНАНИЕ И ЛЮБОВЬ-ТВОРЕНИЕ

Как в мифологии сменяют друг друга образы богини любви, любовь развивается. Последним женским образом мифологии обычно видится Богородица: этот образ ведет начало от некогда коварной Изиды, завоевывающей трон для сына, – сначала богини небесной природы, создающей ветер взмахами крыльев, а потом верной супруги, воскрешающей возлюбленного. Как богиня любви вечно молода, так вечно актуальны и все её образы: и образ любви-сражения, и любви-милосердия, и чувства как природного воскрешения чело-

⁴⁵ Семира, Веташ В. Астрология и мифология. Издательство: Атон., ISBN 5-89077-034-9; 1998 г.

века. Но в развитии этого архетипа могут и должны появляться и новые образы.

Христианская Богородица для многих до сих пор воспринимается высшим женским образом. Но неслучайно в Возрождении, поколебавшем христианскую парадигму мышления, возникает несколько иной образ, до сих пор притягивающей наше внимание – Моны Лизы: более загадочной, чем древние богини и Богородица, и природный фон лишь подчеркивает её человеческую суть. Притягательность её закрытости и недоступности – в сконцентрированности на своем внутреннем мире, которая подчеркивает абсолютизацию момента разумного познания, характерного для Возрождения. Она как будто бы все знает – она знает, как устроен мир. Пейзаж за её спиной смыкается в круг – она изображена на фоне замкнутого в себя четырехмерного пространства, как бы на фоне цикла времен – и словно следит за сменой времен года, и за разворачиванием человеческой истории. Момент познания здесь абсолютизирован – и эта черта Возрождения на самом деле является ещё чертой христианства.

Парадигма **любви-познания** идёт из Ветхого Завета – где древо жизни предстает неосознанным раем, а древо познания несет сознательную идею уподобить человека Богу – шанс, правда, сомнительный, от лукавого, но христианский рай пуст, не наполнен содержанием, в отличие от ада, которым предстает вся человеческая жизнь. И в этом можно увидеть неполноту этой парадигмы – как видел её В.В. Розанов или Ф. Ницше: аскетизм христианской любви *только как познания*, пусть даже Бога и истины, уводит от живой жизни в потусторонний мир, принижая роль брака и творческие задачи семьи.

Возможно, суть настоящего момента духовного развития любви именно в том, чтобы перевести отношение любви-познания в отношения **любви-творчества**. Можно видеть высшую цель в познании истины, лишь если истина (Бог) уже заранее предопределены. Ведь познание есть познание существующих определенностей – социальных, природных, духовных. Но любовь – это взлёт над ними. Творчество в высшем смысле есть свобода. Для него нет готовой истины – оно её творит.

Н.А. Бердяев считал, что Евангелие не раскрывает смысла творчества, потому что че-

ловек должен дойти до него свободно и сам. Неслучайно его идея творения как искупления человека и прихода к Богочеловечеству предполагает становящегося Бога. Творческое отношение проявляется здесь не только в том, что люди творят мир наравне с Богом, а в том, что они творят духовную определенность Божества настолько же, насколько Он создает их собственную определенность. Отношение людей друг с другом предполагает духовный мир, их общую истину – как творимого ими Бога. И возникающее в слиянии их сознаний Царство Божие, как и творимый ими рукотворный мир артефактов культуры, не просто создаются – они рождаются, возникают из пустоты.

В любви пустота эта создается как свободное пространство, необходимое для творения. В древней мифологии этот процесс рисует мифологема отделения Неба от Земли, нередко как образ их вечной разлуки – которая сопутствует любви постольку, поскольку любовь не есть только слияние, но и выход во внешний мир, а также отражает глубинную психологию одиночества творца. Основа свободы творчества – самостоятельность личности – по словам Бердяева, индивидуальность «до самого дна бытия». Подобная монада Лейбница, которая самодостаточна, в ней отражается весь мир. Если бы не было притяжения любви, людям бы не было нужды общаться между собой (так монады и, в частности, души, «не имеют окон», по Лейбницу, и не могут взаимодействовать между собой напрямую, а только через нечто, возвышающееся над ними – которое можно назвать Богом или предустановленной гармонией). Если бы не было любви, мир распался бы на множество самодостаточных индивидуумов – это уже идея Л. Фейербаха. Неслучайно он видел в человеке «всечувственнейшее существо», превосходящее растения или животных именно по своей чувствительности – способности откликаться на мир. Растения предчувствуют перемены погоды, а животные – природные катаклизмы, но если поверить Фейербаху, человек в своем развитии охватил и все эти свойства природы чувств, и дошел до более тонких моментов, которые проявляет человеческая способность любить.

Любовь способна провести чувство сквозь границы изолированной монады индивиду-

ума, нарушив полноту её самодостаточности (проделав «окна») и образовав пустоту, требующую заполнения. При взаимности – её альтруистической гармонии – это не должно разрушать экзистенцию любимого – то, что для него жизненно важно (по идее М. Шелера: «Любовь – путь к восхождению, не нарушающий истинной экзистенции другого»), так как вновь и вновь формируется полнота общей целостности как психологическая компенсация и духовная защита. Это происходит за счет общей направленности (интенции), цели над- или за- пределами двоих. В отношении творчества эта интенция возникает как **мечта**: притягательная фантазия, будящая воображение, как творческую способность ума, на которую обратили серьёзное внимание уже Кант и Фихте. Без осознания *мечты*, созданной сотворчеством двоих, без направленности душ на нечто новое и из глубины своё, любовь предстает лишь как разрушение самодостаточности каждого из них (хаосом страсти, страдания). Даже ощущения Другого (воспринимаемые через слияние и отождествление, которое дарует любовь), его мысли и внутренние реакции могут казаться чрезмерными, странными, непереносимыми – так как все люди разные и привыкли ощущать лишь себя (свои собственные ощущения).

Человек – тем более пара – не всегда осознаёт свою мечту: свою перспективу. Как и не знает, что ждёт впереди: поэтому творчество – это поиск, и способность к нему надо «будить». Этому помогает **игра фантазии** – деятельность ума, не обусловленная положением вещей в реальном мире, а идущая изнутри потребностей души. Романтик Шиллер считал игру основой творческой способности и свободы человека.

Современный мир не живет готовой истиной – эта классическая парадигма мышления уходит в прошлое. Поэтому и любовь: эта вы-

сокая человеческая, физическая и духовная потребность – у современных людей возникает не от жажды познания, а от тоски по творению и своей мечте. Свобода творчества первична, она является основой (первоосновой бытия для Шеллинга или Бердяева). – Но это не всегда понимается, и фиксация на познании может останавливать творение. Хотя и само познание может быть проникнуто свободой творчества, необусловленной заранее предшествующими установками. Тогда любовь-познание выглядит примерно так: пошли меня «туда, не знаю куда», – я найду путь: дам возможность воображению осознать мечту, которая формирует наибольшую целостность принципиально различных монад. И тогда станет возможным творение.

Даже если люди просто прокладывают канал связи, это уже творение. Это начало пути, но чаще всего люди останавливаются на первых шагах. Природа не против того, чтобы творение умирало. Но человеческое сознание стремится продлить жизнь всему, что уже вызвала к жизни пустота истока. Если бы все каналы, проложенные любовью, сохранялись, полнота существования, к которой стремится человек, из точечной удовлетворенности своей отдельной любви или брака стала бы длящейся, воплощенной в гармонии мира. Для этого любовь не должна быть страданием («во многом знании много печали») – интенции ума (мечта, игра фантазии, полёт сознания) должны её защищать. Человек не станет, не сможет помнить боль. Любовь раньше представлялась как краткая яркая вспышка чувства, раз и навсегда открывшая горизонты брака, с дальнейшим её остыванием в бытовом прагматизме жизни. Но такое понимание уходит в прошлое. **Познать и забыть** – это правило любви минувшей эпохи. **Мечтать и творить** – девиз любви будущего.

Elena M. Schepanovskaya. Philosophy about Love: as the Natural Path to the Altered State of Consciousness

Summary

The article proves that the interest to the altered state of consciousness with the help of drugs is evidence of inability to reach them by the natural path of love. It's a violence over the will of a person, that's why one often can't manage with their effect. It becomes the challenge as the necessity to get out from the social formats of consciousness increasingly grows, and the religious way doesn't attract as one of the formats. That's why philosophical attention to the path of love is actual. As well as mythological archetypes of love, philosophy reveals transcendental power of love and its creative force as the energy of the life itself, that leads to the idea of creation of the new world in consciousness of lovers.

Keywords: love, erotic experience, transcendental power, creativity, mythological archetype, androgyny, sacrament of wedlock, drug, altered state of consciousness.